

* * *

Где памятник с протянутой рукой,
Красивый и приветливый такой,
Как будто приглашает удавиться,
Там я среди молчания иду,
Не приминая снега на ходу,
В надежде разглядеть живые лица.

Родные имена шепчу тайком.
Что толку звать – давно лежат рядком
За этим неприметным поворотом.
А если чуть подальше повернуть,
То всё равно ни охнуть, ни вздохнуть,
Припоминая – это кто? а кто там?

И не пугаясь шорохов земных,
Приветствую знакомых и родных,
И тянется порука круговая.
Но тишина обрушится в ответ,
Когда они посмотрят мне вослед,
Посмотрят на меня, не узнавая.

* * *

Даже сейчас, стоя за неприступной стеной,
Говори со мной.
Вот мои тапки у койки, в столе ключи.
Говори со мной, не молчи.

Белые шайбы таблеток отмечу галочками на листе,
Что лежит на комодe у выхода в коридор.
Даже если забуду, даже если приму не те,
Выйду в домашних тапках к тебе во двор,

Не узнавая тебя, не понимая причин, –
Говори со мной, не молчи.

Руки, которые помнят, как обнимать.
Я была тебе мать. Не такая плохая мать.
И я здесь, мы идём вдоль дома, рука в руке,
Объясняем на неведомом языке,
Обменявшись ролями. Отчаянно жжёт внутри –
Говори со мной, говори со мной, говори.

Вдоль малины и виноградника до скамьи –
Ещё слово, ещё мгновение – вот скамья.
Собирая по косточкам жалкий скелет семьи,
Вспоминая, что мы семья.
Вечная радость моя,
Вечная боль моя.

* * *

Срез на яблоне в потёках густой смолы.
Ледяная вода из прозрачного родника.
Я хотела бы называть этот мир своим.
Не могу никак.

Летней паутиной окутаны слива и виноград.
Одуванчик кивает в такт головой большой.
Мне дозволено быть здесь, но мир этот мне не рад.
Он теперь чужой.

Люди с расслабленными плечами – неслышный шаг –
Выходят из дома, едва затеплится на востоке заря.
Как они плывут вдоль тихой улицы, никуда не спеша,
Как размеренно говорят.

Не подходи ко мне – заразны агония и азарт.
Я на завтрак успела съесть только сыр с ножа.
Возвращайся к алеющим вишням, иди назад.
Мне пора бежать.

* * *

Бери зелёный с пятнами поднос
И собирай себе еду на вынос.
Никто не замечает, как ты рос,
Во что ты вырос.

Шуршит на полках мятая фольга,
Салат твой трепыхается в коробке.
Казалось, жизнь невысказанно долга.
Но век короткий.

Отсчитывай на кассе медяки,
Отчаянно хрусти последней сотней.
Чем больше получают дураки,
Тем превосходней.

Вот так и ты ломай стереотип,
Последнее отдав за хлеб и масло.
Жизнь возопит тебе, что будешь бит.
А ты так счастлив.

* * *

Как плохой учитель (самой бы наладить жизнь),
Я хочу обойтись без нотаций и шуток плоских.
Улетай с лёгким сердцем, смело, не глядя вниз
На оставленную спираль из колец московских.
Глупо просить «останься» или «вернись».

Но мне хочется верить, что яснополянский зной,
Гул Кивача и Карелии свет предвечерний,
И воронежский лес, и московский разгул шальной
Сохранят в тебе возвращения долг дочерний.
Будут жить в тебе вечно, как вечно живут со мной.

* * *

Зиму московскую сменит туман и дождь.
Ветер и гром прокатятся горным эхом.
Ты никогда не знаешь, что обретёшь
И кого обретёшь, уехав.
Жизни не хватит – надеяться и внимать
Каждому слову. И ни о чём не спрашивать.
Верить – за безразличным «у нас зима»
Кроется что-то важное.
Это иллюзия выбора. Не свернуть,
Не обмануть предназначенья высшего.
И на пути, что столкнёт нас когда-нибудь,
Нет ничего лишнего.

* * *

Смотри, как горы огибают пляж,
Как солнце лижет линзу объектива.
А ты опять снимала без штатива
И, как нарочно, смазала пейзаж.
Жизнь, как всегда, настраивает свет
И фон, и хватает памяти на карте.
Щелчок. Еще. Но ты опять не в кадре.
На фотографии опять чужой портрет.

Не повторяй ошибок большинства,
Твердя с обидой взрослого ребёнка:
Всему виной засвеченная плёнка.
Признай, что ты бываешь не права.

Прости себя. Прости себя. Прими.
Вставай на фоне знойного пейзажа –
Отреза гор и узкой ленты пляжа.
Вставай и улыбайся, черт возьми.